

A movie poster for the film 'The Empty'. It features a man and a young girl standing in a desolate, post-apocalyptic landscape. The man, played by Alexey Kuznetsov, is wearing a dark, heavy leather jacket and a scarf, and is holding a rifle. The young girl is wearing a brown, textured, layered outfit. The background shows a hazy, mountainous landscape with some ruins. The title 'Пустой' is written in large white letters at the bottom. There are also some rating and content warnings in the bottom corners.

Алексей Кузнецов

Пустой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Кузнецов

Пустой

«Автор»

2026

Кузнецов А. Ю.

Пустой / А. Ю. Кузнецов — «Автор», 2026

Мир, где магия — дар всех, кроме Кларка. Рождённый «пустым», он становится изгоем: ведьма, выдавшая себя за мать, убеждает семью бросить мальчика умирать в сарае. Но Кларк выживает. Шесть лет ада превращают его в гениального инженера и охотника, заменившего ногу механизмом, а магию — интеллектом и самодельным кристаллоружьём. Когда прошлое возвращается в лице сестры Лиры, цена встречи страшна. Спасая её от смерти, Кларк отдаёт Хранителю правую руку — главный инструмент творца. Теперь у него две недели: найти в родной деревне скрывающуюся принцессу и доставить ко двору. Ошибка стоит жизни сестры, чьё сердце теперь бьётся в ритме с его собственным. Это история о том, как «ничто» становится спасителем. О предательстве крови и силе духа, который крепче любой магии. Кларк доказывает: настоящая сила не в искре Сердца Мира, а в воле человека, которому нечего терять, но есть ради кого жить. Путь искупления начинается там, где закончилась надежда.

© Кузнецов А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 3. Оставленный	14
Глава 4. Хлеб насущный	16
Глава 5. Читая землю	20
Глава 6. Чужой взгляд	23
Часть 1. До	28
Часть 2. Сердце	29
Часть 3. Хранители	30
Часть 4. Искра	31
Часть 5. Осколки	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алексей Кузнецов

Пустой

Ветер нёс песок. Мириады мелких колючих крупниц хлестали по доспехам, находили щели, забивались в складки одежды. Пустошь дышала зноем и смертью, и в этом дыхании чувствовался ритм – медленный, древний, похожий на биение огромного больного сердца.

Она ждала их. Ведьма Пустошей.

Её фигура возвышалась на холме из спекшегося стекла и костей – трофеев тех, кто осмелится бросить ей вызов раньше. Лохмотья, некогда бывшие одеянием, колыхались в такт ветру, хотя сам ветер, казалось, подчинялся лишь её воле.

Эйнар сжал рукоять двуручного меча. Сталь, кованная три поколения назад, отозвалась знакомой тяжестью. Рядом, касаясь рукой его наплечника, стояла Сибель. Её прикосновение всегда было для него якорем – в этом прикосновении жила сила, спокойствие и обещание, что они справятся. Что бы ни случилось.

– Я здесь, – тихо сказала она.

И он действительно *почувствовал* её. Золотистый свет, тёплый, как летнее солнце, разлился по венам, наполнил мышцы, отозвался в самой глубине души. Сибель не просто усиливала его тело – она напоминала ему, *зачем* он сражается.

Справа уже мелькнула тень. Лира, старшая, не умела ждать. Её клинок – тонкий, чуть изогнутый, созданный для скорости, а не для мощи – уже пел свою смертельную песню. Эйнар даже не пытался уследить за ней взглядом. Он знал только одно: когда он доберётся до ведьмы, та уже будет занята отражением атак его дочери.

Слева, чуть позади, встала Мира. Младшая. Его девочка, которая выбрала защиту, а не нападение. Она сложила руки в мудру, и воздух вокруг них загустел, формируя полупрозрачные шестиугольные пластины.

– Я прикрою, – её голос дрогнул лишь самую малость.

Эйнар рванул вперёд.

Ведьма смотрела на них сверху вниз. Четверо. Семья. Как трогательно. Как предсказуемо.

Она не тратила время на заклинания, которые можно отразить мечом или щитом. Она слушала пустошь. Земля под её ногами была живой – иссохшей, измученной, но живой. И она подсказывала ведьме, кто здесь самый опасный.

Не тот, кто бежит с мечом.

Не та, что сверкает клинком быстрее ветра.

И даже не та, что ставит щиты.

Самая опасная – та, что стоит неподвижно. Та, что касается мужа и наполняет его силой. Та, что связывает их всех в единое целое.

Ведьма улыбнулась. Треснувшие губы разошлись, обнажая жёлтые зубы.

– Слепая стая, – прошептала она, и ветер унёс её слова в никуда. – Вы даже не слышите, как стучит сердце пустоши.

Она подняла посох. Ударила им о землю.

Один раз.

Сибель почувствовала это первой. Вибрация. Слабая, почти незаметная на фоне гула ветра и топота бегущего мужа. Но она была не просто женой воина и матерью двух мечниц. Она была женщиной, которая всю жизнь училась *слушать* – землю, небо, своих детей, своё сердце.

И сейчас земля *кричала*.

– Девочки! – её голос сорвался на крик, перекрывая вой ветра. – Ко мне! Подо мной пустота!

Она рванулась с места, но поздно. Земля под её ногами пошла рябью, как вода от брошенного камня. А потом провалилась.

Мира успела. Её реакция всегда была безупречной – там, где старшая сестра полагалась на скорость атаки, Мира тренировала скорость *спасения*. Она метнулась к матери, выбросила руку вперёд.

Их пальцы соприкоснулись.

Мира сжала ладонь матери с силой, от которой, казалось, можно было удержать падающую звезду.

– Я держу! – выдохнула она. – Я держу, мама!

Сибель повисла над провалом. Внизу не было видно дна – только чернота, из которой тянуло холодом, не имеющим ничего общего с ночной прохладой. Это был холод самой смерти.

– Не отпущу, – прошептала Мира, вкладывая все силы в одну единственную мысль: удерживать.

И она бы удержала.

Но ведьма ударила посохом во второй раз.

Земля провалилась *везде*.

Мира не успела даже вскрикнуть. Опоры под её ногами не стало – край провала расширился мгновенно, жадно, будто голодная пасть древнего чудовища. Она летела вниз, всё ещё сжимая руку матери, и в этом падении не было страха. Только отчаянная, жгучая мысль: *не отпускать*.

Они упали вместе.

Лира видела это. Она мчалась к ним со всей скоростью, на которую была способна – а способна она была на многое. Но расстояние, которое она могла преодолеть за мгновение, вдруг стало бесконечным.

– *НЕТ!*

Её крик потонул в грохоте сходящейся земли. Провал схлопнулся. Там, где только что стояли её мать и сестра, теперь была ровная, плотно утрамбованная поверхность – будто ничего и не случилось.

Лира упала на колени. Вонзила клинок в землю, пытаясь копать, рвать, достать, *спасти*. Пальцы раздирали в кровь о спекшийся песок, но земля не поддавалась.

– Мама! МИРА!

Тишина.

Эйнар не слышал крика дочери. Вернее, слышал, но не мог осознать. Его мир сузился до одной цели – ведьма. До одного чувства – ярость. До одного звука – гул крови в ушах.

Он обрушил меч на то место, где только что стояла ведьма. Та ушла в сторону, но он уже разворачивался для нового удара. Его доспехи, ещё минуту назад светившиеся золотом жены, теперь тускнели. Сила уходила с каждой секундой, но это было неважно. Он добьёт её голыми руками, если придётся.

Ведьма смеялась. Сухим, шелестящим смехом, похожим на шорох песка по костям.

– Твоя жена теперь кормит пустошь, воин, – прошипела она. – Чувствуешь? Она уже часть меня.

Эйнар не ответил. Он просто бил. Снова. Снова. Ещё раз. Каждый удар был тяжелее предыдущего, каждый вдох давался с трудом, но он не мог остановиться. Если он остановится, он подумает. А если подумает – рухнет.

Лира поднялась. В её глазах больше не было слёз – только сухая, выжженная ярость, достойная самой пустоши. Она выдернула клинок из земли и развернулась к ведьме.

Две тени сорвались с места одновременно.

Отец – тяжёлый, неустойчивый, как обвал.

Дочь – быстрая, смертоносная, как молния.

Ведьма перестала смеяться.

Мира открыла глаза.

Сверху не было света. Вокруг – только тьма и холод. Она лежала на чём-то твёрдом и неровном. Рядом, совсем близко, она чувствовала тепло – мать.

– Мама? – голос прозвучал глухо, будто сквозь вату.

– Я здесь, девочка моя, – тихий, усталый голос Сибель раздался справа. – Ты цела?

– Кажется, да... – Мира попыталась пошевелиться. Тело слушалось, хотя каждая мышца ныла. – Где мы?

– Внутри, – мать помолчала. – Внутри пустоши. Она проглотила нас.

Мира сжала руку матери крепче.

– Я вытащу нас.

Сибель улыбнулась в темноте. Эту улыбку дочь не видела, но почувствовала.

– Знаю, милая. Знаю. Но сначала... Помоги мне встать. Кажется, я слышу сердцебиение этой старой ведьмы. И оно совсем рядом.

Наверху, под багровым небом пустоши, битва продолжалась.

Но теперь в ней не было четверых.

Только трое.

И они сражались так, будто за них двоих.

Земля сомкнулась над ними.

Эйнар падал в темноту, и в этом падении не было ничего, кроме глухой, животной ярости. Меч выпал из руки, где-то рядом кричала Лира, а снизу тянуло холодом, от которого леденела кровь.

Удар.

Тьма.

Сознание возвращалось медленно.

Эйнар очнулся на дне огромной пещеры. Своды терялись где-то в вышине, стены светились тусклым зелёным мхом. Тело ломало, но он заставил себя подняться. Меч валялся в трёх шагах – он подобрал оружие и опёрся на него, делая первый шаг.

– Лира! – позвал он.

– Здесь.

Голос дочери раздался слева. Из-за каменного выступа вышла Лира – живая, хоть и исцарапанная, с клинком наготове.

– Цела? – коротко спросил отец.

– Цела. А ты?

– Жив.

Они переглянулись. Оба думали об одном.

– Где ведьма? – спросила Лира.

– Не знаю. Но если она жива...

– Она жива, – перебила Лира. – Такие твари не дохнут от простого падения. Надо найти её, пока она не пришла в себя.

– Сначала мать, – жёстко сказал Эйнар.

Лира хотела возразить, но встретилась с его взглядом и осеклась. Бесполезно. Когда речь заходила о матери, отец превращался в скалу.

– Хорошо, – кивнула она. – Ищем маму. Потом ведьму.

Они обыскивали пещеру, когда услышали шаги.

Лёгкие. Быстрые. И отчаянно знакомые.

Из-за поворота вылетела Мира. Младшая дочь. Живая.

– Лира! Отец! – закричала она, бросаясь к ним. – Вы живы!

Они сжали её в объятиях – обе сразу, отец накрыл их сверху своими ручищами.

– Мира, Мира, Мира... – шептала Лира, вжимаясь лицом в волосы сестры. – Ты как выбралась?

– Копала, – всхлипнула Мира. – Пальцами. Долго. Нашла лаз. А вы? Где мама?

Эйнар замер. Лира отстранилась.

– Мы не нашли её, – глухо сказала Лира. – Думали, она с тобой.

– Нет, – Мира побледнела. – Я думала, она с вами. Мы упали вместе, я держала её за руку, а потом... потом удар, и я потеряла сознание. Когда очнулась, её рядом не было.

Тишина. Тяжёлая, как надгробная плита.

– Она где-то здесь, – Эйнар сжал меч так, что побелели костяшки. – Она жива. Мы найдём её.

– Мы найдём, – эхом отозвалась Мира. И добавила тише: – Я чувствую её. Слабо. Но чувствую.

Лира удивлённо посмотрела на сестру. Мира никогда не говорила, что у неё есть дар чувствовать мать. Но сейчас было не время для вопросов.

– Веди, – приказал отец.

Мира вела их через лабиринт пещер. Зелёный свет мха сменялся багровыми прожилками в камне, воздух становился тяжелее, холоднее.

– Здесь, – остановилась она у входа в небольшую пещеру. – Она там.

Эйнар шагнул внутрь первым. Лира и Мира – за ним, прикрывая друг друга.

Внутри горел свет. Слабый, тёплый, золотистый – такой знакомый, что у Эйнара подкопились ноги.

Сибель сидела на камне в центре пещеры.

Живая. Целая. С золотистым сиянием, исходящим от её ладоней, которым она согревала воздух вокруг себя.

– Вы пришли, – тихо сказала она. Улыбнулась устало, но тепло. – Я знала, что вы пришли.

Эйнар рухнул перед ней на колени. Обхватил её лицо ладонями, вглядываясь в каждую черту.

– Сибель... Сибель...

– Я здесь, любовь моя, – она коснулась его щеки. – Я с вами.

Лира шагнула вперёд, и что-то кольнуло её. Взгляд матери. Слишком... спокойный? Слишком тёплый? Для женщины, которая только что пережила падение в бездну, потеряла сознание и очнулась одна в подземелье?

Но рядом уже стояла Мира, прижималась к матери, плакала, и Лира отогнала подозрения.
Прекрати. Она жива. Это главное.

– Mam, – позвала она, подходя ближе. – Ты как? Не ранена?

– Цела, милая, – Сибель перевела на неё взгляд. В нём была та же теплота. Та же любовь. – Немного устала. Эта ведьма... она пыталась забрать меня. Но не вышло.

– А где она? – спросила Лира. – Где ведьма?

Сибель вздохнула. Посмотрела в сторону.

– Там. Глубже. Она упала и... мне кажется, она мертва. Я чувствую, как пустошь забирает её силу.

Эйнар поднялся. Помог жене встать.

– Нам нужно выбираться, – сказал он. – Мира, ты помнишь дорогу?

– Да, – кивнула Мира. – Я нашла лаз наверх. Недалеко отсюда.

– Веди.

Они выбрались наружу через час.

Багровое небо пустоши встретило их горячим ветром. Мира первой вылезла из расщелины, потом помогла матери, потом Лире, потом отцу.

Они стояли на поверхности. Четверо. Семья.

– Мы сделали это, – выдохнула Мира и разрыдалась – от счастья, от облегчения, от того, что всё закончилось.

Лира обняла её. Эйнар прижал к себе жену.

Сибель смотрела на багровое небо. Глубоко вдохнула горячий воздух пустоши.

– Воздух, – тихо сказала она. – Какой... живой воздух.

Никто не обратил внимания на странную интонацию. Никто не заметил, как её губы тронула чужая, незнакомая улыбка.

Они пошли домой.

Глубоко под землёй, в абсолютной темноте, настоящая Сибель открыла глаза.

Она лежала на чём-то мягком. Пахло сухими травами. Где-то рядом мерно тикали часы – уютно, по-домашнему.

Она попыталась подняться – и поняла, что не может. Не потому, что связана. Просто... тело не слушалось.

– Тихо, – раздался голос из темноты. – Не дёргайся.

Свет зажёгся.

Напротив неё, в кресле-качалке, сидела старая женщина. Морщинистая, седая, с глазами цвета выжженной пустоши. Она штопала рубашку – мужскую, большую, явно с чужого плеча.

– Где я? – спросила Сибель.

Старуха подняла на неё глаза.

– Там, куда ведьма не смогла дотянуться, – ответила она просто. – В моём доме. Под моей землёй. Под моей защитой.

Сибель сглотнула.

– А... моя семья?

Старуха помолчала. Воткнула иглу в ткань.

– Ушли, – сказала она. – Увели ту, что притворяется тобой.
Сибель рванулась – и снова бессильно упала на подушки.
– Нет... нет-нет-нет...

Конец главы 1

Глава 2. Чужой среди своих

Деревня встретила их криком.

Ещё издали они увидели факелы, услышали топот ног и испуганные голоса. Пустошь родила чудовищ и раньше, но чтобы ведьма пришла так близко – такого не случилось за последние двадцать лет.

– Живы! – закричал кто-то, заметив их силуэты. – Эйнар! Сибель! Они вернулись!

Толпа хлынула навстречу. Эйнар поднял руку, останавливая людей – он устал, вымотан, ему нужно было только одно: добраться до дома, уложить жену в постель и убедиться, что она дышит.

Но толпа не отпускала.

– Ведьма? – выкрикнул староста, пробиваясь вперёд. – Где ведьма? Она мертва?

– Мертва, – коротко ответил Эйнар. – Упала в расщелину. Мы видели.

Люди выдохнули. Кто-то заплакал от облегчения, кто-то засмеялся, кто-то принялся хлопать Эйнара по плечам.

И только один человек стоял в стороне.

Маленький мальчик лет восьми. Светловолосый, худенький, в простой домотканой рубахе. Он смотрел на мать – и не двигался с места.

Кларк.

Сибель – та, что притворялась Сибелью – перевела взгляд на него. И улыбнулась.

Той самой тёплой, материнской улыбкой.

– Кларк, – позвала она, протягивая руки. – Иди сюда, мой хороший.

Мальчик не двинулся с места.

Лира нахмурилась. Странно. Кларк всегда бежал к матери первым. Обожал её, вис на шее, не отпускал ни на минуту. А тут стоит, будто в землю врос.

– Кларк! – позвала Мира мягче. – Иди к нам. Мы вернулись.

Мальчик перевёл взгляд на сестру. Потом снова на мать.

И сделал шаг назад.

Дома было тихо.

Эйнар уложил жену в постель – она сказала, что очень устала и хочет отдохнуть. Лира и Мира хлопотали по хозяйству, восстанавливая привычный ритм жизни. Кларк сидел в углу, обхватив колени руками, и молчал.

– Что с тобой? – Лира подошла к брату, присела на корточки. – Ты сам не свой. Испугался?

Кларк покачал головой.

– Она... – начал он и запнулся.

– Кто?

Мальчик поднял на неё глаза. В них стояли слёзы.

– Это не мама.

Лира замерла.

– Что?

– Я не знаю как, – Кларк сжимался, будто ожидая удара. – Но это не мама. Мама пахнет по-другому. И у неё другие глаза. И она никогда не смотрит на меня... так.

– Как?

– Как будто я еда.

По спине Лиры пробежал холодок. Она вспомнила взгляд матери в пещере. Тот самый, от которого её кольнуло подозрение. Спокойный. Слишком спокойный.

– Ты устал, – сказала она, скорее себе, чем ему. – Мы все устали. Тебе показалось.

Кларк покачал головой.

– Я знаю, что у меня нет магии, – тихо сказал он. – Я ничего не чувствую, как вы. Но я чувствую её. Она... холодная. Внутри.

Лира хотела ответить, но с кухни донёлся голос матери:

– Лира, милая, помоги мне с ужином.

Голос был тёплым. Ласковым. Родным.

Лира обернулась. Мать стояла в дверях кухни и улыбалась.

– И Кларк, – добавила она, глядя на мальчика. – Иди сюда. Я соскучилась.

Кларк вжался в стену.

Утром деревня гудела.

Сибель – та, что теперь носила это имя – вышла к колодцу первой. К ней тут же подбежали соседки, забрасывая вопросами: как оно там, в пустоши, страшно ли было, правда ли, что ведьма мертва.

– Мертва, – кивнула она. – Мы убили её.

Женщины ахали.

– Но... – Сибель замялась, опустила глаза. – Не всё так просто.

– Что случилось? – насторожилась старостиха.

Сибель подняла взгляд. В нём стояли слёзы.

– Ведьма успела... проклясть. Перед смертью. Она не могла забрать меня, но она нашла другую цель.

– Кого?

Сибель помолчала. Потом тихо, едва слышно, произнесла:

– Моего сына. Кларка.

Женщины ахнули.

– Он теперь... – Сибель всхлипнула, прикрывая рот ладонью. – Он теперь носит в себе частицу пустоши. Я чувствую это. Моё материнское сердце чувствует. Он стал чужим. Пустым. Без магии – да, но это потому, что пустошь выжгла в нём всё живое, чтобы поселиться там самой.

– Господи... – прошептала старостиха. – Бедная ты наша...

– Я не знаю, что делать, – Сибель разрыдалась. – Я люблю его, но я боюсь. Боюсь, что однажды он проснётся – и это будет уже не он. А та тварь, которую мы убили.

Слухи разлетелись быстрее пожара.

К обеду вся деревня знала, что младший сын Эйнара и Сибель прокляты. Что в нём сидит ведьма. Что он опасен.

Дети швыряли в него камнями, когда он выходил во двор.

– Чудовище! – кричали они. – Убирайся в пустошь!

Женщины отводили взгляды, проходя мимо. Мужчины хмурились и отворачивались.

Кларк не понимал. Он просто стоял посреди улицы, сжимая в кулаке сорванную для матери ромашку, и смотрел, как мир вокруг становится чужим.

Он всегда был другим. Без магии, без дара, без искры. Но его любили. Мама обнимала его и говорила, что он особенный. Папа учил держать меч, хоть и знал, что сын никогда не станет воином. Сёстры защищали его от обидчиков.

А теперь мама смотрела на него и... плакала. Отворачивалась. Уходила.

– Мам, – позвал он вечером, когда они остались вдвоём во дворе.

Она обернулась. Улыбнулась. Но улыбка не доходила до глаз.

– Да, милый?

– Ты... ты меня ещё любишь?

Она подошла. Присела перед ним на корточки. Погладила по голове.

– Конечно, люблю, – голос звучал ровно. Спокойно. Чуждо. – Но ты должен понять. То, что в тебе... оно может навредить другим. Ты же не хочешь навредить другим?

Кларк замотал головой.

– Вот видишь. Поэтому нам придётся быть осторожными. Очень осторожными.

Она поднялась. Уходя, обернулась.

– И знаешь... может, тебе лучше спать в сарае. Сегодня. Чтобы никому не навредить во сне.

Дверь закрылась.

Кларк стоял во дворе один. Ромашка выпала из ослабевших пальцев.

В сарае было холодно. Пахло сеном и мышами. Он лежал на старой попоне, смотрел в щель в крыше на звёзды и пытался понять: когда он успел стать чудовищем?

Утром Эйнар нашёл его там.

– Что ты здесь делаешь? – нахмурился отец.

– Мама сказала... – начал Кларк.

– Что сказала?

Мальчик сглотнул.

– Что я могу навредить во сне.

Эйнар нахмурился сильнее. Он ничего не понимал в этих разговорах о проклятиях – Сибель говорила что-то вчера, но он устал и пропустил мимо ушей. Жена волнуется за сына, это нормально.

– Идём в дом, – коротко бросил он. – Хватит дурью маяться.

Он не заметил, как Кларк вздрогнул от его тона. Не заметил, как мальчик сжался. Не заметил ничего.

Потому что в доме его ждал завтрак, улыбающаяся жена и сёстры, которым он был нужен.

А Кларк...

Кларк плёлся сзади и молчал.

Прошла неделя.

Кларк больше не пытался подойти к матери. Он научился быть невидимым – уходить рано утром, возвращаться поздно вечером, есть отдельно, спать в сарае. Сёстры иногда пытались поговорить с ним, но он отмалчивался. Отец был занят – восстанавливал дом, чинил забор, готовил поля к посеву.

Ведьма наблюдала за этим с удовлетворением.

Мальчик изолирован. Семья отдаляется от него. Скоро они сами поверят, что он опасен. А потом...

Потом можно будет убрать его совсем.

Но сначала нужно привести семью подальше. Туда, где никто не будет мешать.

Однажды вечером она сказала:

– Нам нужно уехать.

Эйнар поднял голову.

– Куда?

– Подальше от пустоши. Подальше от этого места. – Она положила руку ему на грудь. – Здесь слишком много боли. Слишком много воспоминаний. Давай начнём всё сначала. Где-нибудь, где зелено, где есть вода, где наш Кларк... – она запнулась, сделала скорбное лицо, – где ему будет лучше.

– А деревня? – спросила Лира.

– Деревня выживет. А мы должны думать о себе. О семье.

Эйнар молчал долго. Потом кивнул.

– Хорошо. Соберёмся и уедем.

Лира и Мира переглянулись. Что-то было не так. Слишком быстро, слишком легко отец согласился. Но мать выглядела такой счастливой, такой живой после всего, что случилось...

Они не стали спорить.

Утром сборы шли полным ходом.

Кларк стоял в стороне и смотрел, как сёстры укладывают вещи, как отец выводит лошадей, как мать хлопчет по дому, не глядя в его сторону.

Он подошёл к Лире.

– Я... я тоже еду?

Лира обернулась. В её глазах мелькнуло что-то – жалость? вина? – но она быстро отвернулась.

– Конечно, едешь. Ты же наш брат.

– Но мама...

– Мама устала, – жёстко оборвала Лира. – Не бери в голову.

Кларк кивнул. Отошёл.

Мама устала.

Мама всегда устаёт.

Мама смотрит сквозь него.

Он сел на завалинку и уставился в одну точку. Мимо проходили соседи. Кто-то плюнул в сторону. Кто-то перекрестился. Кто-то прошептал: "Проклятый".

Кларк не плакал. Слезы кончились ещё три дня назад.

Он просто сидел и ждал, когда его семья уедет. Вместе с ним. Или без него.

Конец главы 2.

Глава 3. Оставленный

Утро было серым.

Тучи нависали над деревней низко, давили на крыши, на плечи, на душу. Ветер гонял пыль по пустой улице – никто не вышел провожать семью, которая уезжала. Только несколько собак брехали издалека, да где-то плакал ребёнок.

Кларк стоял у телеги и сжимал в кулаке узелок с вещами. Там были тёплые носки, которые мама связала ему прошлой зимой, деревянная лошадка, вырезанная отцом, и камешек, который подарила Мира – "оберег от кошмаров", говорила она.

Камешек не работал. Кошмары приходили каждую ночь.

– Грузи, – коротко бросил Эйнар, кивая на телегу.

Кларк шагнул, чтобы забросить узелок, но рука матери легла ему на плечо.

– Нет, милый, – голос был мягким. Таким мягким, что хотелось плакать. – Ты остаёшься.

Кларк замер.

– Что?

Ведьма, смотревшая на него глазами его матери, вздохнула. Присела перед ним на корточки, поправила ворот его рубахи – заботливо, ласково, как умела только мама.

– Ты же понимаешь, маленький. То, что в тебе... оно опасно. Для всех нас. Для новых людей, с которыми мы встретимся. Для твоих сестёр. Для отца.

– Но я... я не опасен, – голос Кларка дрогнул. – Я ничего не сделал.

– Ты не сделал, – кивнула "мать". – Но можешь. В любой момент. А мы не можем рисковать.

Она обернулась к Эйнару.

– Дорогой, скажи ему.

Эйнар стоял, набычившись, сжимая в руке вожжи. Он смотрел на сына – и в его глазах не было злости. Только усталость. Тяжёлая, свинцовая усталость человека, который потерял слишком много и боится потерять ещё.

– Так надо, – глухо сказал он.

– Пап...

– Я сказал, так надо!

Крик ударил Кларка, как пощёчина. Он отшатнулся.

Лира шагнула вперёд.

– Отец, это же Кларк! Наш брат! Мы не можем...

– Можем, – оборвала её "мать". – Должны. Ради его же блага.

– Мама, ты что несёшь?! – Лира повернулась к ней, и впервые в её голосе прозвучало что-то, похожее на гнев. – Он ребёнок! Ему восемь лет!

– Ему восемь лет, и в нём сидит частица пустоши, – "Сибель" посмотрела на дочь в упор. Взгляд был тяжёлым, давящим. – Ты хочешь рисковать всеми нами? Хочешь, чтобы та тварь проснулась в нём посреди ночи и перерезала нам глотки?

Лира открыла рот – и закрыла. Слова застряли в горле.

Мира заплакала. Тихо, стараясь, чтобы никто не заметил.

– Мира, – позвал Кларк. – Мира, скажи им. Скажи, что я не опасен. Ты же чувствуешь магию. Ты же видишь...

Мира подняла на него глаза. Полные слёз. Полные боли.

– Я... – начала она и задохнулась. – Я ничего не чувствую, Кларк. Совсем ничего. Как будто... как будто ты пустой.

Это было больнее, чем удар отца.

Кларк смотрел на сестру, которая всегда защищала его, всегда верила в него, всегда говорила, что отсутствие магии – не беда, что он особенный по-своему.

И видел в её глазах страх.

– Ладно, – тихо сказал он.

Разжал кулак. Узелок упал в пыль.

– Я понял.

Повернулся и пошёл прочь.

– Кларк! – окликнула Лира.

Он не обернулся.

– Кларк, стой!

Он шёл. Медленно, но ровно. Не бежал. Не плакал. Просто шёл – к сараю, где ночевал последнюю неделю. К своему новому дому.

Эйнар дёрнулся было за ним, но рука жены легла на его запястье.

– Не надо, – мягко сказала она. – Ему нужно время. Мы заберём его потом, когда всё утрясётся.

Эйнар посмотрел на неё. Хотел что-то сказать, но раздумал. Кивнул.

– Трогаем, – скомандовал он.

Телега скрипнула, качнулась и покатила по пыльной дороге прочь от деревни.

Лира и Мира сидели в телеге и смотрели назад, на удаляющиеся дома. Мира плакала, уткнувшись в плечо сестры. Лира сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладони.

Они не видели, как маленькая фигурка остановилась у сарая и обернулась.

Кларк смотрел вслед уезжающей телеге долго. Очень долго.

Пока она не скрылась за горизонтом.

Пока пыль не осела.

Пока ветер не унёс последние звуки.

Потом он зашёл в сарай, закрыл за собой дверь, сел в угол на старую попону и уставился в одну точку.

Он не плакал.

Слёзы кончились ещё неделю назад.

В деревне его никто не тронул в тот день. Соседи делали вид, что не замечают. Дети не швыряли камни. Даже собаки не лаяли.

Он стал невидимым.

Пустым.

Как его магия.

К вечеру пошёл дождь. Холодный, осенний, злой. Крыша сарая протекала в трёх местах. Кларк сидел в самом сухом углу, подтянув колени к груди, и слушал, как капли стучат по старому дереву.

Где-то далеко, за горизонтом, его семья ехала к новой жизни.

Без него.

– Ничего, – прошептал он в темноту. – Я справлюсь.

Он не знал, правда это или нет.

Но выбора у него не было.

Глава 4. Хлеб насущный

Первая ночь в сарае запомнилась холодом.

Кларк проснулся на рассвете, продрогший до костей. Старая попона почти не грела, а дырявая крыша напустила столько холода, будто специально собирала его со всей округи.

Он лежал, сжимаясь в комок, и слушал, как где-то далеко поют петухи. У соседей. У тех, у кого есть дом, семья, тёплая постель.

У тех, кто не он.

Потом вспомнил: есть надо.

Рынок был единственным местом, где можно было раздобыть еду. Кларк знал это. Он также знал, что денег у него нет. Что менять ему нечего. Что продавцы гоняют таких, как он, пинками и палками.

Но попробовать стоило.

Он вышел из сарая, умылся холодной водой из бочки, пригладил вихры и зашагал к центру деревни.

Рынок уже шумел. Кричали торговки, мычали коровы, кудахтали куры, пахло свежим хлебом, жареным мясом и ещё чем-то сладким, отчего у Кларка свело живот.

Он остановился у прилавка с пирожками. Женщина в чистом переднике ловко переворачивала их на сковородке, золотистые, румяные, с хрустящей корочкой.

– Чего встал? – рявкнула она, заметив его. – Денег нет – проваливай!

Кларк отошёл. К другому прилавку. К третьему.

Везде было одно и то же: взгляд, оценивающий его дешёвую одежду, грязные ногти, худобу. И равнодушное: "Пошёл вон".

Он уже собрался уходить, когда увидел старуху, торгующую овощами. Морковь, лук, пара кочанов капусты, горстка сморщенных яблок.

Она дремала на своём стуле, прикрыв глаза.

Кларк подошёл ближе. Протянул руку к одному яблоку.

– Руку оторву, – не открывая глаз, сказала старуха.

Он отдёрнул руку.

– Я... я не воровать. Я помочь хочу.

Старуха приоткрыла один глаз.

– Чего?

– Помочь, – повторил Кларк. – Я могу... ну... товар разложить. Или воды принести. Или... или что скажете. А вы мне за это... яблоко. Одно.

Старуха смотрела на него долго. Потом хмыкнула.

– Хитрый, – сказала она. – Ладно. Вон те ящики перетаскай в телегу. Получишь яблоко.

Кларк перетаскал. Десять ящиков, каждый выше его самого. Руки стёр в кровь, спину надорвал, но перетаскал.

Старуха протянула ему яблоко. Одно. Самое мелкое, подгнившее с боку.

– На. И не появляйся больше.

Кларк взял яблоко. Поклонился. Ушёл.

Яблоко он съел в два укуса, вместе с гнилью.

День за днём он учился выживать.

Рынок больше не пускал – продавцы запомнили его и гнали сразу, едва завидев. Пришлось искать другие способы.

Река. В ней водилась рыба – мелкая, костлявая, но съедобная. Кларк пробовал ловить её руками, как делали деревенские мальчишки. У него не получалось – рыба ускользала быстрее, чем он успевал схватить.

Тогда он сделал острогу.

Долго искал подходящую палку – прямую, крепкую, не слишком тяжёлую. Нашёл у забора старой кузницы, отломал сухие ветки. Ножом, который когда-то подарил отец, заточил конец. Долго строгал, пока не получилось остриё – кривое, неровное, но остриё.

Первый бросок – мимо.

Второй – мимо.

Третий – мимо.

Четвёртый – мимо.

На пятый день он поймал первую рыбу. Маленькую, с его ладонь. Она билась на остроге, сверкала чешуёй, и Кларк смотрел на неё и не верил, что у него получилось.

Вечером он жарил её на костре за сараем. Рыба подгорела, была горькой и пахла дымом. Это была самая вкусная еда в его жизни.

Лук он подсмотрел у соседского мальчишки.

Тот ходил по двору с самодельным луком, стрелял по мишеням – по старому мешку, набитому сеном. Стрелы летели криво, но мальчишка довольно смеялся и бежал их собирать.

Кларк смотрел из-за забора и запоминал.

Лук можно сделать из гибкой ветки. Тетиву – из скрученной верёвки или сухожилий. Стрелы – из прямых прутьев.

Он искал неделю. Подходящую ветку для лука нашёл в подлеске у пустоши – гибкую, упругую, не сломалась, когда он попробовал согнуть. Тетиву свил из верёвки, которую нашёл на свалке – старую, гнилую, но другую взять было негде.

Стрелы строгал из орешника. Долго выравнивал, снимал кору, затачивал концы. Оперения не было – стрелы летели криво, но хоть как-то.

Первый выстрел лук не выдержал – тетива лопнула. Кларк заплакал от злости, но быстро вытер слёзы и начал заново.

Второй лук получился лучше. Тетиву он сделал из нескольких верёвок, свитых вместе. Стрелы обжёг на костре, чтобы стали твёрже.

Он стрелял каждый день. В дерево, в стену сарая, в старый пенёк. Сначала стрелы летели куда угодно, только не в цель. Потом – чуть ближе. Потом – ещё ближе.

Через месяц он мог попасть в дерево с десяти шагов.

Через два – в ствол, а не в ветки.

Через три – туда, куда целился.

Земледелие оказалось сложнее.

Кларк смотрел, как соседи пахут, сеют, полют, поливают. Он видел их счастливые лица, когда вырастали первые всходы. Слышал, как они смеются, работая вместе – муж, жена, дети.

Он прятался за заборами и смотрел.

У него не было земли. Не было семян. Не было инструментов.

Но был маленький клочок пустыря за сараем – ничейный, заросший бурьяном.

Кларк решил попробовать.

Он выдёргивал сорняки руками. Корни не поддавались, рвали ладони, но он выдёргивал. Потом нашёл старую, сломанную тяпку на свалке – наточил о камень, привязал к палке.

Долбил землю три дня. Спина болела, руки дрожали, но клочок земли стал мягче.

Семена он собирал где придётся. Выковыривал из старой тыквы, вытрясал из сухих головок подсолнуха, находил на огородах, когда никто не видел – не воровал, просто подбирал то, что упало.

Посадил. Поливал из старой кружки, таская воду из реки за полем. Бегал туда-сюда по двадцать раз на день.

Ждал.

Неделя – ничего.

Две – ничего.

Три – ничего.

Он уже решил, что всё пропало, когда увидел первый росток. Маленький, зелёный, пробивающийся сквозь сухую корку земли.

Кларк упал на колени и смотрел на него, боясь дышать.

Растёт.

Но тяжелее всего были вечера.

Когда работа заканчивалась, когда темнело и нечего было делать, он садился у сарая и смотрел на деревню.

Горели огни в окнах. Двигались тени – отец садился ужинать, мать накрывала на стол, дети бегали вокруг. Слышался смех. Иногда доносились обрывки песен.

Кларк смотрел на эти тёплые, живые окна и вспоминал.

Как мама чесала ему голову перед сном. Как папа сажал на плечи и нёс через лужу. Как Лира учила его свистеть, а Мира тайком подсовывала лишний кусок пирога.

Он смотрел на чужие счастливые семьи и не плакал.

Слёз давно не было.

Была только пустота внутри. Та самая, о которой говорила Мира. Пустота, в которой не было магии.

Но в которой, оказывается, могло поместиться много чего другого.

Например, умение ждать.

Умение терпеть.

Умение выживать.

– Ничего, – шептал он в темноту. – Я справлюсь.

Он всегда это говорил.

И почти уже верил.

Однажды вечером к сараю пришла собака.

Старая, худая, трёхногая – видно, что её тоже выгнали. Она легла у двери и заскулила.

Кларк вышел. Посмотрел на неё.

– Тоже никому не нужен?

Собака вильнула обрубком хвоста.

Кларк подумал. Еды в обрез. Рыбы на сегодня поймал всего две, одну уже съел. Вторую планировал на завтра.

Он разломил вторую рыбу пополам. Половину протянул собаке.

– На. Жить будем вместе. Если хочешь.

Собака съела рыбу в один миг и лизнула ему руку.

Впервые за долгое время Кларк улыбнулся.

– Дурень ты, – сказал он собаке. – Меня зовут Кларк. А тебя как?

Собака гавкнула.

– Значит, Дурень. Хорошее имя.

Он лёг на попону. Собака устроилась рядом, прижавшись тёплым боком.

В сарае стало чуть меньше холода.

Чуть меньше пустоты.

Конец главы 4.

Глава 5. Читая землю

Всё началось с Дурня.

Собака, старая и трёхногая, оказалась полезнее, чем Кларк мог представить. Она не умела охотиться – слишком хромая, слишком медленная. Но она умела *находить*.

– Ты куда? – спросил Кларк утром, когда Дурень, подняв обрубок хвоста, затрусил к пустоши.

Собака оглянулась, гавкнула и потрусилась дальше.

Кларк пошёл за ней.

Дурень привёл его к старому руслу пересохшего ручья. Там, в яме под корягой, лежал дохлый заяц. Наполовину съеденный, вонючий, но явно свежее, чем вчерашний улов.

– Фу, – поморщился Кларк. – Это же тухлое.

Дурень согласно гавкнул и принялся за трапезу.

Кларк собрался уходить, но что-то его остановило. Следы. Вокруг коряги земля была истоптана – не только собачьими лапами.

Он присел на корточки.

Отпечатки. Много. Одни – маленькие, с когтями, вели к заячьей норе неподалёку. Другие – покрупнее, с длинными пальцами, пересекали русло и уходили в сторону леса.

Кларк смотрел на них и не понимал, что видит.

Но что-то внутри щёлкнуло.

Надо запомнить.

В следующий раз он пошёл к ручью специально.

Взял с собой кусок угля из погасшего костра и обрывок старой холстины. Подошёл к следам, которые нашёл вчера, и попытался их срисовать.

Получалось плохо. Уголь крошился, холстина рвалась, а следы на земле были совсем непохожи на те каракули, что выходили у него.

– Бестолочь, – пробормотал Кларк. – Даже следы нарисовать не могу.

Дурень, наевшийся вчера до отвала, сидел рядом и смотрел на него с сочувствием.

– Что? – огрызнулся Кларк. – Думаешь, у тебя бы лучше вышло?

Собака зевнула.

Кларк вздохнул, отложил уголь и просто уставился на следы. Долго. Попытался понять, почему они выглядят именно так.

Маленькие, с когтями – заячьи. Он знал, как выглядят зайцы. Значит, эти следы – заячьи. Просто.

Большие, с длинными пальцами... кто это может быть? Птица? Нет, у птиц пальцы тоньше. Собака? У Дурня подушечки круглые, а тут овальные. Лиса? Он видел лису один раз, мельком, не запомнил лапы.

– Ладно, – решил он. – Буду просто смотреть. Каждый день.

Он приходил к ручью каждое утро.

Сначала просто смотрел. Потом начал замечать: следы меняются. Одни исчезают, появляются новые. Старые затягивает песком, размывает утренней росой.

Через неделю он мог отличить заячий след от лисьего – лиса оставляла более вытянутые отпечатки, и когти у неё были острее.

Через две – научился определять, в какую сторону бежал зверь. Носок глубже вдавливался в землю при толчке.

Через три – понял, что можно узнать даже примерный вес. Чем глубже след, тем тяжелее зверь.

– Смотри, Дурень, – говорил он собаке, показывая на землю. – Здесь лиса гналась за зайцем. Видишь? Заячьи следы прыгают – он уходил. А лисьи ровные – она бежала по прямой, срезала угол.

Дурень смотрел на него с обожанием и ничего не понимал.

– Заяц ушёл, – продолжал Кларк, ведя пальцем по следам. – Видишь, здесь лиса остановилась. Поняла, что не догонит. Развернулась и пошла обратно. А заяц... заяц пошёл туда, к кустам.

Он поднял голову. Прикинул направление.

– Там должна быть нора. Пошли проверим?

Дурень гавкнул и потрусил за ним.

Нора нашлась. Старая, полусасыпанная, но явно жилая – вокруг свежие следы, помёт, обкусанные ветки.

Кларк улыбнулся.

– Работает.

Теперь он читал следы везде.

У реки, где водопой – следы оленей, кабанов, однажды даже медвежий (огромный, глубокий, от одного вида мурашки по спине). В леске, где охотились лисы и куницы. В поле, где мыши оставляли тоненькие дорожки в траве.

Он учился видеть историю, которую рассказывала земля.

Вот здесь ночевал заяц – лёжка, примятая трава, кучка помёта.

Здесь пила вода лиса – влажный песок хранил отпечатки её морды.

Здесь дрались два кабана – земля взрыта, следы крови, обломанные клыки (Кларк нашёл один, оставил себе на удачу).

Дурень помогал. Не умом – нюхом. Он мог учуять зверя задолго до того, как Кларк замечал следы. Иногда Кларк просто шёл за ним, а потом смотрел – и видел на земле подтверждение: да, здесь прошёл зверь, здесь остановился, здесь повернул.

– Ты мой глаза, – говорил он собаке, почесывая за ухом. – А я твой... ну, кто я?

Дурень согласно вилял обрубок.

Через месяц Кларк поставил первый силок.

Он видел, как это делают охотники – подглядел издали, запомнил. Петелька из тонкой верёвки, привязанная к гибкой ветке. Заяц лезет в неё головой – ветка распрямляется, петля затягивается.

Он поставил три силка на заячьих тропах, которые выследил за неделю наблюдений.

Наутро в одном сидел заяц. Мёртвый, задушенный, с выпученными глазами.

Кларк смотрел на него и не знал, что чувствовать.

Радость – еда на несколько дней.

Гордость – получилось.

Жалость – заяц просто хотел есть, как и он сам.

– Прости, – сказал он тихо. – Мне тоже надо жить.

Он освеживал тушку тем самым ножом, что подарил отец. Плохо, криво, порвал шкурку в нескольких местах. Но мясо добыл.

Вечером они с Дурнем ели жареного зайца. Собака урчала от удовольствия. Кларк жевал и думал.

Я могу это делать. Я могу выживать.

Через два месяца он знал все тропы в округе.

Где пасутся олени, куда ходят на водопой кабаны, где ночуют лисы, где у мышей подземные города. Знал, какая земля хранит следы дольше, а какая осыпается за час. Знал, что после дождя следы читать легче – они глубже, чётче.

Он перестал быть просто мальчиком без магии.

Он стал тем, кто *видит*.

– Дурень, – сказал он однажды вечером, сидя у костра. – Знаешь, что я понял?

Собака наострила уши.

– У магии есть один недостаток. Она делает людей слепыми. Они чувствуют силу, слышат духов, видят ауры – и перестают смотреть под ноги. А там, под ногами, целый мир. Который им не виден.

Он помешал угли палкой.

– А у меня магии нет. Зато я вижу то, что под ногами. Может, это и есть мой дар? Просто... другой.

Дурень согласно зевнул и положил голову ему на колено.

Кларк погладил его.

– Ладно, философ. Спать давай. Завтра идём к болоту – я там вчера странные следы видел. Вроде человеческие, но не совсем.

Он лёг на попону, прижался к тёплому собачьему боку и закрыл глаза.

Завтра будет новый день.

Новые следы.

Новая история, которую расскажет земля.

Конец главы 5.

Глава 6. Чужой взгляд

Дурень нашёл её раньше, чем Кларк.

Собака вдруг наострила уши, поднялась с места и затрусила в сторону кузницы, не обращая внимания на тихий свист хозяина.

– Дурень, стоять! – зашипел Кларк. – Там же люди!

Но Дурень уже скрылся за углом.

Кларк выругался шёпотом и пополз следом, прижимаясь к заборам, прячась в тени. Если кто-то увидит его рядом с домами – погонят, побьют, может, даже свяжут и отведут к старосте как вора.

Он выглянул из-за угла.

Дурень сидел у забора кузницы и смотрел на девочку.

Она была чуть старше Кларка – может, лет десять. Тёмные волосы заплетены в косу, руки в саже, фартук из грубой кожи. В руках она держала кусок хлеба с маслом и явно не знала, что делать с нахальной трёхногой собакой, которая уставилась на неё голодными глазами.

– Ты чья? – спросила девочка.

Дурень вильнул обрубком.

– Бродячая, что ли?

Дурень гавкнул.

Девочка посмотрела на хлеб. Потом на собаку. Потом снова на хлеб.

– Ладно, – вздохнула она. – На, ешь. Но если укусишь – пожалеешь. Мой отец из твоей шкуры рукавицы сделает.

Она бросила хлеб. Дурень сцапал его в один миг и проглотил, даже не жуя.

Кларк зажмурился.

Дурень, ну как же так. Это всё, что у меня было на завтрак.

– А ну вылезай, – раздалось вдруг совсем рядом.

Он открыл глаза.

Девочка стояла в двух шагах и смотрела прямо на него.

– Ты чего прячешься?

Кларк вжался в забор.

– Я не прячусь. Я... я мимо шёл.

– Мимо шёл и за чужими собаками подглядывал?

– Это моя собака.

Девочка подняла бровь. Оглядела его – худого, грязного, в одежде, которая давно просила стирки и заплаток.

– Твоя? А чего она тогда голодная?

Кларк промолчал. Что он мог сказать? Что они вчера разделили одну мелкую рыбу на двоих? Что он сам не доел, чтобы собаке досталось больше?

Девочка смотрела на него. И вдруг выражение её лица изменилось. Настороженность сменилась чем-то другим – может, любопытством, может, узнаванием.

– Ты тот мальчик, – сказала она тихо. – Из сарая. Которого прокляли.

Кларк дёрнулся, будто его ударили.

– Я не проклят.

– Я знаю.

Он замер.

– Что?

Девочка оглянулась на кузницу – оттуда доносился ритмичный стук молота. Потом шагнула ближе.

– Взрослые говорят разное, – сказала она шёпотом. – Но я тебя видела. Ты воробьёв подкармливаешь на задах. И за старухой Мартой убирал, когда она ногу сломала – я знаю, я видела. Проклятые так не делают.

Кларк смотрел на неё и не верил.

– Меня зовут Эльза, – сказала девочка. – Дочь кузнеца. Хочешь ещё хлеба?

Эльза оказалась той, кого Кларк уже не надеялся встретить – просто добрым человеком. Она не задавала лишних вопросов. Не жалела вслух. Не пыталась его спасать или наставлять на путь истинный. Она просто... была рядом.

Иногда она выходила к забору с узелком – кусок хлеба, пара варёных яиц, горстка вяленых яблок. Иногда просто садилась на траву и молчала рядом, пока Дурень дремал на солнце.

– Ты чего со мной водишься? – спросил Кларк однажды. – Тебе же от родителей попадёт.

– Не попадёт, – пожал плечами Эльза. – Они думают, я у подружки.

– А если узнают?

– Не узнают.

Она сорвала травинку, сунула в рот, пожевала.

– Слушай, – сказала она вдруг. – А это правда, что у тебя совсем нет магии?

Кларк напрягся.

– Правда.

– Совсем-совсем? Даже капли?

– Совсем-совсем.

Эльза задумалась.

– Странно, – сказала она наконец. – У всех есть. Даже у тех, кто не умеет ей пользоваться.

Искра есть у каждого. А у тебя...

– А у меня пустота, – закончил Кларк. – Мира так сказала. Сестра.

– Сестра ошиблась, – отрезала Эльза.

Кларк поднял голову.

– Что?

Эльза посмотрела на него серьёзно. В её глазах не было жалости. Только уверенность.

– Пустота – это не отсутствие. Это место для чего-то другого. Просто никто не знает, для чего именно.

Она поднялась, отряхнула подол.

– Ладно, мне пора. Отец хватится. Завтра в это же время?

– Завтра, – кивнул Кларк.

Он смотрел, как она уходит – лёгкая, быстрая, совсем не похожая на деревенских девчонок, которые швыряли в него камнями.

Дурень ткнулся носом в ладонь.

– Знаю, – сказал Кларк. – Она странная. Но... приятная.

Дурень согласно гавкнул.

Прошёл месяц.

Эльза приходила почти каждый день. Иногда с едой, иногда просто так. Они сидели за сараем, разговаривали, молчали, смотрели, как Дурень гоняет воробьёв.

Кларк узнал, что у Эльзы есть старший брат, который уехал в город учиться на оружейника. Что мать у неё умерла пять лет назад, и отец растит её один. Что кузница – это вся их жизнь, и что Эльза умеет раздувать меха и держать клещи не хуже любого подмастерья.

– Отец говорит, девке это ни к чему, – рассказывала она, подбрасывая камешек. – А я думаю: если умеешь – почему не делать?

– Правильно думаешь, – согласился Кларк.

Эльза усмехнулась.

– Ты первый, кто так говорит. Остальные считают, что моё дело – замуж выйти и детей рожать.

– А ты хочешь?

– Не знаю. Может, потом. А сначала хочу научиться мечи ковать. Настоящие. Такие, от которых враги разбегаются.

Кларк представил Эльзу с молотом – маленькую, в саже, с упрямым выражением лица – и улыбнулся.

– У тебя получится.

– Откуда знаешь?

– Знаю.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

– А ты? Кем хочешь стать, когда вырастешь?

Кларк задумался. Он как-то не думал об этом. Выжить бы.

– Не знаю, – признался он. – Охотником, наверное. Я следы читать умею.

– Серьёзно?

– Ага. Хочешь, покажу?

Он показал ей всё.

Как отличить заячий след от лисьего. Как понять, в какую сторону зверь ушёл. Как найти лёжку. Как поставить силок так, чтобы зверь не мучился долго.

Эльза слушала раскрыв рот.

– Ты сам научился?

– Сам.

– Без магии?

– Без магии.

Она покачала головой.

– А наши охотники всё на духов полагаются. "Покажи, дух леса, где зверь". И ходят потом по кругу, пока дух не сжалится.

Кларк пожал плечами.

– Духи не ко мне. Приходится самому.

Эльза вдруг рассмеялась.

– Ты смешной, Кларк. Думаешь, у тебя нет дара, а у тебя есть. Просто он другой.

– Какой?

Она прищурилась, разглядывая его, будто видела впервые.

– Ты умеешь учиться. По-настоящему. Смотреть, запоминать, делать выводы. Это не магия – это ум. А ум, знаешь, посильнее некоторых заклинаний будет.

Кларк смутился. Никто никогда не говорил ему такого.

– Спасибо, – буркнул он в землю.

– За что?

– За то, что... ну... не боишься меня. И не гонишь.

Эльза посмотрела на него серьёзно.

– Слушай, – сказала она. – Ты хороший. Я вижу. А те, кто тебя гонит – они дураки. Просто дураки, и всё. Не бери в голову.

Она поднялась, отряхнулась.

– Завтра приду. Принести чего?
– Не надо, – мотнул головой Кларк. – Я сам справляюсь.
– Знаю, что справишься. Но принести – не значит "ты не справишься". Принести – значит "я хочу с тобой поделиться". Понял?

Кларк кивнул.

Эльза ушла, насвистывая.

А он сидел и смотрел ей вслед, и в груди было тепло. Не то тепло, что от костра или от собаки. Другое. Человеческое.

Однажды Эльза пришла не одна.

Кларк уже собрался спрятаться, но увидел, что рядом с ней идёт не взрослый, а... козёл. Маленький, чёрный, с кривыми рогами и наглыми жёлтыми глазами.

– Это ещё кто? – спросил Кларк.

– Это Кыш, – представила Эльза. – Мой. Папа купил, чтобы шерсть давал. А он вместо шерсти одни неприятности даёт. Думала, может, у тебя поживёт?

– Чего?

– Шучу, – засмеялась Эльза. – Просто мимо шли. Кыш, поздоровайся.

Козёл уставился на Дурню. Дурень уставился на козла.

– Они подерутся? – насторожился Кларк.

– Не знаю. Давай посмотрим?

– Эльза!

– Ладно-ладно, – она хлопнула козла по крупу. – Кыш, будь вежливым.

Козёл фыркнул, отвернулся и принялся жевать чей-то забор.

Дурень, решив, что угроза миновала, улётся на солнце.

– Вот видишь, – сказала Эльза. – Мир во всём мире.

Они сидели на траве, смотрели на козла и собаку, и Кларк вдруг поймал себя на мысли, что почти счастлив.

Почти.

Не хватало только одного – того, что уже не вернуть.

Эльза, будто прочитав его мысли, спросила тихо:

– Скучаешь по ним?

Кларк помолчал.

– Скучаю.

– По всем?

– По маме... по настоящей маме. По папе, хоть он и... ну. По сёстрам. Даже по дому.

Эльза кивнула.

– Я по маме тоже скучаю. Каждый день.

Они помолчали вдвоём. Хорошее молчание – когда не надо ничего объяснять.

– Знаешь, – сказала Эльза наконец. – Иногда мне кажется, что они там, где-то, и тоже скучают. Просто не могут вернуться.

– Или не хотят, – тихо сказал Кларк.

– Или не могут, – твёрдо повторила Эльза. – Разница есть. Если не хотят – значит, они плохие. Если не могут – значит, есть надежда.

Она повернулась к нему.

– Ты держись за надежду, Кларк. Даже маленькую. Она греет.

Он посмотрел на неё. На её серьёзное лицо в саже, на упрямо сжатые губы, на глаза, в которых было столько жизни, сколько он не видел ни у кого в деревне.

– Ты странная, Эльза, – сказал он.

– Знаю, – кивнула она. – Тебе со мной повезло.
И улыбнулась.

Конец главы 6.

Интерлюдия. Сердце мира

Эту историю рассказывают редко. Только тем, кто умеет слушать. И только шёпотом, чтобы никто не услышал.

Часть 1. До

Давным-давно мир был другим.

Не было магии. Совсем. Люди рождались, жили и умирали – и в этом не было ничего особенного. Они пахали землю руками, лечили раны травами, воевали сталью, а не огнём. Мир был простым. Тяжёлым. Но понятным.

А потом небо расколосось.

Не метеор, не звезда – именно *расколосось*, будто кто-то огромный ударил по хрустальному куполу и выбил из него кусок. Через этот разлом в мир хлынуло то, чего раньше не существовало.

Сила.

Она не имела формы, не имела цвета, но её чувствовали все – каждой клеткой, каждым вздохом, каждым ударом сердца. Сила входила в людей, в зверей, в землю, в воду. Она меняла всё, к чему прикасалась.

Так появилась магия.

Часть 2. Сердце

Но разлом не зажил.

Он остался висеть в небе – тонкая трещина, через которую сочилась сила. Люди боялись её и поклонялись ей одновременно. Они строили храмы, приносили жертвы, пытались понять, как управлять тем, что течёт из самой бездны.

Прошли века. Разлом не исчез, но сила перестала течь свободно. Она *сгустилась*.

В какой-то момент – никто не знает точно, когда – из разлома выпало нечто. Не камень, не кристалл, не то, что можно описать словами. Оно упало в мир и прожгло землю до самого основания.

Люди назвали это **Сердцем Мира**.

Синий свет, исходящий от него, был виден за сотни лиг. Тот, кто подходил слишком близко, сходил с ума или умирал – сила не прощала слабости. Но те, кто выживал, получали дар. Огонь, вода, ветер, исцеление, смерть – всё это можно было взять у Сердца.

Если оно соглашалось дать.

Часть 3. Хранители

Сердце Мира нельзя было оставить лежать в земле.

Оно притягивало безумцев, алчных, отчаявшихся. Вокруг него выростали империи и рушились за одну ночь. Кровь лилась реками, пока люди спорили, кому достанется сила.

Тогда пришли они.

Первая королевская династия. Не маги – воины. Те, кто понял: Сердцем нельзя владеть. Его можно только *хранить*.

Они не взяли силу себе. Они построили вокруг Сердца не храм и не крепость – они построили **пустоту**. Место, где нет ничего. Ни воздуха, ни света, ни времени. Место, где Сердце может лежать, не касаясь мира, не отравляя его своей мощью.

Так Сердце Мира ушло в **иное измерение**.

Тонкая грань между миром живых и тем, откуда пришла сила. Туда, где нет ничего, кроме Сердца и тишины.

Королевская семья стала хранителями врат. Не правителями мира – хотя со временем они взяли и эту власть, – а именно стражами. Их долг – следить, чтобы никто не вошёл. Чтобы Сердце не проснулось. Чтобы сила не хлынула снова, сжигая всё на своём пути.

Часть 4. Искра

Но сила, однажды войдя в мир, не уходит бесследно.

За тысячи лет она пропитала всё. Землю, воду, воздух, кровь. Каждый человек, рождённый после Падения, носит в себе частицу Сердца – **искру**. У кого-то она яркая, у кого-то тусклая, но она есть у всех.

Искра даёт магию. Кто-то может зажечь свечу взглядом, кто-то – слышать духов, кто-то – видеть будущее во снах. Сила проявляется по-разному, но она есть. Всегда. У всех.

Кроме одного.

Никто не знает, почему это случилось. Ошибка природы? Проклятие? Или, наоборот, дар, который никто не умеет распознать?

В маленькой деревне на краю пустоши родился мальчик без искры.

Пустой внутри.

Тот, в ком Сердце Мира не оставило своего следа.

Его зовут Кларк.

Часть 5. Осколки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.